

Диалог с критикой

(глава из новой книги)

Признаюсь сразу, что никакая это не статья. Если и получилась статья, то это произошло помимо воли автора. Просто писалась книжка — то ли по литературоведению, то ли некий литературоведческий мемуар, где имела место идентификация некоего автора, имя и фамилия которого вынесены в подзаголовок. Конечно, это было довольно дерзко: взять и написать монографию о самом себе. Но согласимся, что самому много виднее, и вообще, это увлекательное занятие — писать собственную литературную историю. За годы столько всего уходит, столько всего забывается, а тут еще и характер соответственный, который стремится забыть всё плохое. Получилось так: чтобы найти баланс между Я автора и Я исследователя — мы часто не упоминаем все собственное имя, которое, в данном случае, итак стоит на 20-ти или 30-ти книгах, — придумана была довольно уклончивая форма автор. Когда это слово писалось курсивом, то означало — писатель С. Есин, а когда прямым и в разрядку — то просто некто С.Н.Есин. Книжка, глава за главой, писалась, и вот этот самый автор приступил к главе об отношениях с критикой. И тут началось! Если бы не внутренняя лень автора и его нежелание зарываться в собственные архивы, которые он, вопреки предостережению Пастернака, все же завел, хотя над рукописями и не трясется, — в этих архивах можно было найти массу интересного. Однако, хоть автор себя и ограничивал, тем не менее, глава о критике и по форме и по содержанию, выпятилась из общей анатомически выверенной структуры книжки и превратилась в некое подобие «средней массы». Что-то надо было делать?

Лучше всего взять и переписать эту главу. Собственно говоря, ав-

тор так и поступил. Этот второй вариант главы, который вошел в книжку, оказался более сдержанным, терпеливым, без каких-то особых обид. Но и более нейтральным. Первый вариант, который также выражал личность автора, был покапризнее и, может быть, поискреннее. Ведь в свое время автор затаился, получив кое-какие несправедливые критические суждения. Автор надеялся, что дальнейшее время рассудит. Может быть, поэтому первоначальный вариант главы и получился столь длинным. В нем довольно много цитат, а когда пена обид сошла, отлив обнажил дно и камешки на дне, стал виден и характер некоторых цитат. Возможно, он тоже окажется интересным для читателя. Только это автора и утешает, и понуждает передать первоначальный вариант главы в редакцию журнала.

ДИАЛОГ С КРИТИКОЙ

Автор, как и любой писатель, всегда обеспокоен не только тем, что он делает (автор слово «творчество», по соображениям суеверным, старается не употреблять), но и тем, как его труд отражается в глазах критики. Критика — это зеркало общества, наивно думает автор. Но, взглянув в это зеркало, автор, как правило бывает, критикой недоволен. В отличие от большинства других популярных писателей, он даже нагло утверждал это в одном из своих интервью — всем обязан скорее не критике, поскольку в пору становления автора как писателя, для того, чтобы быть угодным критике, надо было стать или модным, или конъюнктурным.

Но прервем мысль. Сейчас многие люди искусства высказываются о прошлом негативно, в силу того что это модно, на самом деле у нихто, у большинства, все в прошлом обстояло прекрасно. И профессорские шапочки, и докторские мантии, и ордена, и престижные премии они получали при строе, который сейчас отчаянно ругают. Автор, как он полагает, имел роскошь всегда быть отчасти самостоятельным. Так случилось. Может быть, потому, что, за исключением десяти предпроектных лет, автор всегда был на государственной службе, т. е. был экономически независим от критики и от издательств. Связь ясна? Вот что по этому поводу автор писал уже в 1987 году, и не где-нибудь, а в журнале «Агитатор»:

«Это неправда, что писатель равнодушен к тому, как оценят и поймут его труд. Мне, дескать, главное — высказаться, а уж что вы по этому поводу предпримите, это, как говорится, факт вашей биографии. И хотя, начиная работать над «Имитатором», я никогда не ожидал того внимания, которое получил этот роман у публики, мне, когда он все-таки вышел, не было безразлично, как его оценят мои коллеги и критики».

Автор не лукавил тогда, как не лукавит и сейчас, но вот вопрос: кому сегодня, какому командиру подчинена текущая критика? Но продолжим цитату: «Оценки долго колебались, даже была некоторая боязнь высказаться, пока прямо не сказала своего веского слова газета

«Правда». После этого характер восприятия произведения стал более определенным».

Собственно, литературная пресса, как всегда, колебалась, прислушиваясь к колебаниям партии.

Напомним прерванный тезис: конъюнктурным или модным должен быть писатель?

Здесь, в то недавнее время, все было смешано и все как бы вытекало одно из другого. Скажем, привезти из зарубежной командировки блок «Салема» для рабочего секретаря Союза писателей и статью в план «Совписа» — это не причина и следствие (не следует ценить людей слишком мелко, будем их ценить по обстоятельствам), но — один из факторов. Критика прагматично любила два сорта писателей: с одной стороны, писатель совершенно нормально и официально разрешенный и лучше прилично пишущий, здесь уж просто никаких у критики осложнений. Или писатель диссидентствующий, о котором писалось в разных иносказаниях и в разной оболочке. Здесь качество письма не имело решающего значения. Для критика здесь главным было: «Вот я каков!» «Осмелился!» «Замахнулся!» Важна была не суть, а разговоры на кухнях. Хуже обстояло дело с писателем, который был вне лагерей, мафий и писательских сообществ. Так сказать, простой обычный писатель. К этому «нетоварному» разряду автор относит и себя. Не претендуя на явление выдающееся, он все-таки полагает, что пробиться между разными степенями «своих» ему удалось только благодаря случаю и тому обстоятельству, что журналам надо было что-то качественное, для читателя, печатать.

Автор здесь позволяет себе маленькое отступление, в конце которого он опять выйдет на мысль о своей человеческой обыденности. Но человеческая — это еще не значит писательская. Опять самоцитата. (Писатель не может себя просто так ругать, у него всегда этому сопутствует какая-либо цель. Писатель всегда сумеет выделиться.)

«Писательскую судьбу можно назвать состоявшейся, если у писателя есть хотя бы один бестселлер. Я написал в своей жизни бестселлер — «Имитатор». После этого выпустил три или четыре романа, которые были, безусловно, намного выше «Имитатора», но в это время умами правил Волкогонов, разгорались политические страсти, и мои романы, полные стилистических подтекстов, по-настоящему просто не были прочитаны. Но я человек легкомысленный и уверен, что с моим литературным будущим все будет в порядке. Я бы не сказал, что являюсь человеком с какими-то выдающимися качествами, очень умным, ярким и все прочее. Я забываю то, что я пишу, но недавно мне в руки попался один из моих романов, я начал его читать и вдруг понял, что роман написан очень неглупым человеком. Но это не Сергей Есин. Это писатель Сергей Есин. Сергей Есин — он человек, конечно, поглупее, попроще, покоммуникабельнее, подходчивее, но менее интересный, чем романист Есин» (газ. «Вечерний клуб», 13.11.97).

В случае с автором дело обстояло следующим образом. Он, как

уже было сказано ранее, пробивался довольно сложно, и именно поэтому у него сложились, и складываются до сих пор, специфические отношения с критикой.

Сначала его, к сорока годам, напечатали почти все толстые журналы, а потом уже появилась первая книга. В этой связи интересна бытовая сцена вступления автора в Союз писателей в 1979 году. А не забыли ли мы одно из правил вступления в союз писателей СССР: нужна была, как минимум, одна самостоятельная книга, а лучше две? В приемную комиссию была занесена толстая стопка журналов — от «Знамени» до «Юности» — и тоненькая книжечка из «Молодой гвардии». Комиссия была удивлена: автор уже так примелькался читательскому и писательскому глазу, что у всех было ощущение — он давно в Союзе писателей. Ах, ах, а разве он еще не в Союзе?

Теперь эпизоды, связанные с тезисом, что журналам надо было что-то печатать, не только нужное, но и интересное.

Культовые для поколения его читателей вещи автора — рассказ «При свете маленького прожектора» и повести «Мемуары сорокалетнего» и «Р-78» — были опубликованы в «Юности». Именно «Юность» и дала автору старт, но каждый раз возникала одна и та же ситуация: материал, прочитанный главным редактором и одобренный редколлегией, отделом прозы и секретариатом, отодвигался из номера в номер. Скажем, стоял он в 11-м номере, но вдруг: «У Толи Алексина выходит собрание сочинений, и надо обязательно его повесть пропустить через журнал». (Это было свято — получить гонорар сначала за журнальное издание, потом за книгу.) Обстоятельства, отодвигавшие «не своего» автора чуть дальше, возникали, если новую повесть приносил отъезжающий в очередной раз куда-то Василий Аксенов, или энергичный секретарь СП Валерий Поволяев, или маститый Борис Васильев. Каждый раз вопрос «А почему мы ещё Есина не печатали?» поднимал главный редактор. С него в ЦК, как известно, спрашивали, чтобы журнал был интересный, разнообразный и не состоял бы из одних и тех же имен.

Экстравагантное положение автора «между своими» автор можно было бы доказать докладом С.В.Михалкова на одном из съездов СП России. Доклад, вчерне составленный референтами, каждый из которых курировал свою группу писателей, отнес автора сначала к начинающим писателям, в другом, разделе — к 40-летним, а в третьем — к писателям, получившим определенную известность. Не правда ли, занятно? Но это всего лишь «расстановка сил» в советский период. Типичный эпизод. Примем его к сведению.

Но и кроме этих личных соображений и общего раздражения на положение дел в литературе «прежде» и «теперь», у автора были еще счеты непосредственно с отдельными критическими персоналиями. Кто там, как говорится, писал о нас хорошо?

Для писателя и его состояния не всегда важно — кто писал хорошо, кто писал плохо. Больше значение для обидчивого писателя имеет точность и сила внедрения критики в мир писателя, умение утвердить

его внутреннюю суть, «угадать» нерв и импульсы произведения. Автор, разумеется, бесконечно благодарен уже упомянутому А. Гулыге, который первым автора заметил. Это же случилось что-то невероятное: выходит первая повесть где-то в провинциальной «Волге», и ее вдруг замечает столичный критик. Кстати, это та самая повесть «Живем только два раза», которая еще раньше побывала в «Новом мире». Боже мой, как было лестно, когда сама Ася Берзер сказала: «Первую половину я принимаю, а вторую надо переделать». Автор переделал. Но, видимо, недостаточно жестко. Второй отзыв Берзер автор помнит до сих пор: «В переделках не возникло нового качества». Может быть, она была права, уважение к этой первой даме тогдашней литературы осталось на всю жизнь. А уже потом стало известно о ее работе с Солженицыным и вообще о ее роли в строительстве того знаменитого «Нового мира».

На всю жизнь запомнилось и маленькое телевыступление критика Светланы Селивановой, назвавшей «Имитатор» в 85-м или в 86-м году (его все, кроме автора, считали повестью — по объему — как будто объем определяет жанр) романом и даже с телевизионного экрана сумевшей это доказать. Подобное тоже не забылось. Но не забылось и многое другое.

Появление «Имитатора», протиснувшегося сквозь цензуру, автор считает некой случайностью. Хотя должен сказать, что, после того как роман уже был написан и лежал «в столе», внутреннее состояние автора и его самооценка изменились. Писателю можно уже ходить не вдоль стены, если у него в портфеле что-то лежит. Роман начал свое блуждание по редакциям журналов: «Знамя», где его отвергла Наталья Иванова, потом роман был отвергнут в «Дружбе народов», после положительной рецензии зам. главного редактора А.А.Михайлова его зарубил главный редактор «Октября» А.Ананьев, потом его приняли в «Нашем современнике» ... «до приезда главного редактора», но приехал С.Викулов и роман переключался в «Новый мир». В «Нашем современнике» почему-то настаивали и на изменении названия — «Рисунки в клеточку».

В «НМ» роман просмотрел новый заведующий отделом прозы известный писатель Анатолий Жуков. Посмотрел и сказал: мы это напечатать ровно через год. Автору, с одной стороны, это было, конечно, лестно — все же! — а с другой, ожегшись на подобных обещаниях, он не очень-то верил в то, что подобное может произойти. Автор, многие годы проработавший в различных святилищах идеологии, отчетливо понимал, как может при желании интерпретировать критика то, что на самом деле было в его романе!

Тут началась гласность, перестройка, 1985 год, но тем не менее пружины цензуры были еще очень сильны. Главных редакторов по-прежнему вызывали на ковер; работа шла рутинная. Заветный 2-й номер вышел в свет в известной мере случайно. Автор уже писал, что в этом номере шел очередной роман Юрия Бондарева, и цензура нава-

лилась на него. С точки зрения *автора*, совершенно нелепая и бессмысленная цензура того времени навалилась на роман абсолютно не по делу: нашли какие-то реминисценции персонажей по отношению к Госкино, сходство с какими-то руководителями, а между прочим, если бы так это Госкино не оберегали, смотришь — и по-другому прошел бы легендарный V съезд Союза кинематографистов, давший старт тому головокружительному слалому демократии — все ниже и ниже, — которая на финише получила и разрушенный Союз, и олигархов, и плач всех творческих союзов, включая тех же самых кинематографистов, по поводу утраченной былой, как выяснилось достаточно свободной и раскованной, жизни. Но это так, «*между прочим*».

Цензура, занятая другим романом, просмотрела роман *автора* по диагонали. Что-то о художнике. Не увидела здоровой критики сложившихся обстоятельств и режима. И уже через день после выхода номера тогдашний главный редактор Владимир Карпов отправился на ковер к главному идеологу, и не по поводу романа Бондарева, а по поводу романа Есина. Там сидели цензоры позорче!

У каждого писателя, наверное, есть этот момент оглушительного и невероятного успеха, который в те времена свалился на *автора*. До того его помнили по публикациям, в основном, в «Юности». А это все-таки достаточно ограниченная и «молодежная» аудитория. Теперь же о романе заговорила вся страна. От испуга, а также несколько обескураженный внезапным появлением прототипов, которых в романе увидели и сами прототипы, и публика, *автор* на всякий случай уехал из Москвы. *Автор* уже начал работать над ленинской темой.

А между тем по поводу «Имитатора» уже посыпались предложения от кино и от театра, и в этой атмосфере *автор*, конечно, ожидал какого-то движения в прессе, какого-то движения в критике с оценкой его работы, захватившей умы. Писали довольно много, но косвенно, а так хотелось появления статьи в «Литературной газете».

Это особые отношения: автор — «Литературная газета», литературная критика. Когда *автор*, наконец, через несколько месяцев сам появился в коридорах «Литературной газеты», по какому-то иному поводу все, как бы извиняясь, говорили о том, что «Имитатор» — настоящее сочинение и с ним нужно разбираться, и статья о романе уже заказана. *Автор* знал даже автора заказанной статьи, одного из известных критиков и работника той же «Литературики».

Любая распря всегда имеет свою материальную первооснову. Уже возникшие предубеждения базируются на фактах, которые обладают способностью в глазах обиженного разрастаться. Этого разрастания остерегается и *автор*. Как было «тогда»? Не интерполирует ли он сегодняшнее на тогдашнее? Но есть, правда, один документ, позволяющий судить о «том» состоянии *автора*. Уместно заметить, что «тогда» он относился снисходительнее к уверткам критики. Дневник *автора* той поры.

31 января, четверг, 1985 г. Вышел мой «Имитатор». В Москве очень хорошо об этом говорят. Только что звонил С.В.Михалков, поздравлял.

Потом говорили о драматургии. С.В. жалуется: его пьесы идут только в Москве, Ленинграде и по ТВ.

4 февраля, понедельник, 1985 г. Я удивляюсь: столько звонков по поводу «Имитатора». Здесь наемдни звонила даже прорицательница Джуна. Она в ярости. С ее слов, я будто бы использовал несколько фактов ее биографии. Потом она вышла на В.С. и пока замолкла: это молния на молнию. Алла Киреева, жена Р.И. Рождественского, которая меня с Джуной познакомила, должна ее отговорить от каких бы то ни было демаршей против меня. Я человек с ранимой и неустоявшейся психикой, боюсь, но одновременно мне Джуну даже жалко. Наивная, легко во все верующая и добрая женщина. Но именно Алла Киреева и дала Джуне журнал с этой повестью. Надо бы мне умотать из Москвы.

Еще звонил утром Анатолий Алексин. Все то же. Говорил о моем стиле. Свой, дескать, неповторимый стиль. Не может так быть, чтобы в одном произведении у писателя был стиль, а в другом этот стиль отсутствовал. Откуда тогда стиль взялся? Даже грустно: написал ставшую модной вещь, и все заговорили. А что, разве раньше я не существовал? Но пресса молчит. Молчит и профессиональная пресса – «Литературная газета».

15 февраля. Уже несколько дней живу в Ленинграде. Скорее, сбегал, нежели уехал из Москвы, от шумихи и огорчений... Перед моим отъездом звонил Г.Я.Бакланов. Мы с ним знакомы, я принимал у него в партбюро СП взносы. Сусанна (персонаж «Имитатора»), оказывается, по его словам, говорит обычный текст жены Ю.В.Бондарева: «Вы знаете, как тяжело жить с гением?» Г.Я. своеобразно излагает Ю.В.. Они ведь раньше дружили — этот человек, по словам Г.Я., не прощает ничего и не простит моего соседства в журнале. И вот последний из московских звонков. Добавляю то, что вспомнил. Это А.М.Борщаговский. После демаршей Джуны и нервотрепки по поводу вдруг обнаружившихся прототипов его звонок успокоил своей разумностью: «Повесть о двух путях для художника в искусстве. Но всем удобно разыскивать там прототипов». Кстати, уже из других источников: Глазунов, Шилов, Пономарев, Королев (директор ГТГ) и даже Салахов — вот кого в качестве прототипов мне называют. Меня бы это веселило, если бы не было грустно. Уже в Ленинграде состоялся разговор с Женей Агафоновым, редактором Ленрадио. Умница Глазунов будто бы сказал по поводу «Имитатора»: «Это не про меня». Его клеветы, и среди них главный жополиз А.Бондаренко, везде звонят, что прототип именно Глазунов. (Это уже Е. Агафонов.) Пресса молчит.

3 марта ...В Москве, по словам Вали, идет свистопляска с «Имитатором». Звонил домой режиссер В.Фокин, потом артист А.Ширвиндт, все хотят играть и ставить. Я сам ничего решать не стану, пусть все определится само по себе».

Обратим внимание на даты. Автор пишет пьесу, уже давно у него в работе новый роман, страна замусолила, читаючи, его сочинение в «Новом мире», проходит огромное количество встреч автора с чита-

телями в библиотеках и институтах — тогда это было модно, — а пресса все еще не может высказаться. Все какие-то упоминания-обозначения. Если бы в то время появилась какая-нибудь статья, то она обязательно оказалась бы заложенной в дневник автора. Сегодня, помудревший за годы автор думает, что существовали два объясняющих все обстоятельства. Во-первых, прессе не дали сверху команду. Вроде бы главного редактора «Нового мира» вызывали на ковер в ЦК, но никаких официальных откликов не было. Тогда бы власть ругали. Но интеллигенция ведь роман нравится, потом везде, вроде, идут послабления. Пресса молчит, но испытывает на себе давление литературного генералитета, который видит в авторе конкурента. И во-вторых: самое бы и время высказаться независимым критикам, но, как мне кажется сейчас, критика того времени, которая была близка к изданиям, оказалась совершенно разбалansirованной; у нее притупился нюх на искусство, на новизну, она талантливейшим образом умела лишь аранжировать поступившее сверху мнение.

Но продолжим выписки из дневника 1985 года. Со дня выхода «Имитатора» прошло восемь месяцев.

7 ноября, Болшево. Вчера вышла «Литературная газета», здесь в статье В. Андреева легкий пассаж об «Имитаторе».

6 декабря. Из статьи Ф. Чапчахова, той самой, довольно давно запланированной в «Литературке». «Бывает и так, что авторское отношение к герою выражено вроде бы ясно и определенно — оно отрицательное. Но «отрицательность» героя выглядит опять-таки как порождение внешних обстоятельств. В повести С. Есина «Имитатор» ее герой, художник Семираев, одержим единственным стремлением «протиснуться и пробиться» к славе. Ради этой цели он не брезгует никакими самыми низкими средствами. В изображении автора Семираев потому чувствует себя хозяином жизни, что обстоятельства якобы за него. Вот и получается, что вопреки лучшим намерениям писателя, его герой выглядит не наростом на теле общества, а его продуктом. Узавимость авторской позиции в повести С. Есина в том, что завышена сила и значимость ничтожного героя и сведено на нет противодействие окружающей его общественной среды. Вот и складывается впечатление, что наше общество не в силах бороться с семираевыми, не в силах противостоять им своими твердыми нравственными принципами».

Сегодня автору ясно, каким птичьим языком все это написано, ясно, что и сам критик чудесным образом проимитировал заинтересованность и гражданский пафос. Где же были эти твердые нравственные принципы, где же были просто принципы?

Но продолжим поиск каких-то слов о некоем литературном произведении, всколыхнувшем общество. Мы все ещё в поисках критики. А может быть, это произведение затерялось в литературном зазоре между либеральными и патриотическими пристрастиями?

11 декабря. Сегодня открылся VI съезд писателей РСФСР... Доклад Михалкова был, как обычно, — обо всем и про всех. Он соединил

меня с Маканиным и, единственным, дал какую-то характеристику — «обладают жесткой манерой письма».

18 декабря. ...Вчера в Центральном доме литераторов отменили «Критический дневник». Называлось все это так: «Искусство и публицистика. Последние произведения Ю.Бондарева, С.Есина, В.Распутина. Председательствует В.Гусев». Кто испугался? Кто не согласен? Чего боятся? Чью репутацию спасают? За всем этим стоят люди и, кажется, не только со своими убеждениями, но и со своими установками. Жить во чтобы то ни стало не хуже, чем они жили раньше. Я вижу все эти оплывшие физиономии и понимаю, чего они хотят, как им мешает правда и талант. Как не хочется покидать насыженных мест в президиумах».

Опять пауза — и между цитатами, и во времени. С момента публикации «Имитатора» прошел уже год. И вот автор дописывает в доме творчества писателей в Ялте новый роман, увидевший свет еще через год в «Знамени», где главным редактором станет Г.Я.Бакланов. Из Ялты автора выдергивают в Москву, ибо внезапно прочитана, набрана и поставлена в номер новая его повесть «Незавершенка». Автор снова на Южном берегу Крыма.

1 февраля, суббота, 1986. В Москве, когда был у Наташи Ивановой в «Знамени», прочел ее статью. Она отвечает на статью Вадима Соколова, которую я не видел. Теперь обо мне не писал только Л.Аннинский. Удивился, как мне безразлично все то, что они пишут об «Имитаторе». Пассаж Н.Ивановой следует за длинной раскруткой о В.Распутине — его тоже, за монологизм, она несет по всем кочкам. Чего они так расписались? Мне интересно здесь только одно: вся эта писанина идет вокруг человека, в которого никто не верил. И, главное, все они чего-то жмутся, будто отнимают у них самих».

«Откровенно публицистична и повесть С.Есина «Имитатор». Здесь с самого начала видна «неправда» героя, неистинность его жизни; и сюжет, и композиция, и конфликт направлены на одно — саморазоблачение Семираева (которого и разоблачать-то зачем: он уже и так голенький). Пафос и страсть С.Есина мне более чем понятны, однако художественная сторона подменяется подчас риторической. Подчиняясь эффекту журнализма, здесь литература открыто переходит в дело и способна стать самой силой эмпирической: задеть семираевых, разворошить их гнездо, заставить их узнать себя, самообнаружиться! Дело великое, но убедит ли силой художественности повесть через... два года? три? После Семираева?» На этом автор заканчивает выписки из Н.Ивановой.

20 февраля. И еще вырезочка. Это уже из статьи А.М.Борщаговского в «Литгазете». Он тоже спорит с Вад. Соколовым. Лес рубят. Щепки летят. Я — не против. Цену я себе знаю. Но сейчас я всем нужен для того, чтобы доказывать свои заветные мысли. Насколько они не мои, я тоже вижу. Я пока бесспорный в их споре аргумент. А.Борщаговский, который роман Вас. Гроссмана «Жизнь и судьба» считает произведением выше или на уровне с «Войной и миром»

Льва Толстого, начинает свои размышления с нежно, как и мною, любимого автора «Старика», «Обмена» и «Студентов». «..А Юрий Трифонов? Неужели он был, а не есть? Есть в самом высоком смысле объективного существования художника, опередившего в чем-то и литературу прижизненную, и сегодняшние наши общие литературные усилия. Наличие таких художников — первый признак высоты и истинности всякой литературы. Как и В.Соколов, я ценю повесть С.Есина «Имитатор». Но как не увидеть, что ее автор не вознесся на некий более высокий «виток» литературной спирали, что он, скорее, ученик Ю.Трифопова. (Замечу попутно, что весьма произвольно отнесение «Имитатора» к повестям, характерным для «нравственных исканий наших дней», в то время, как «Пожар» В.Распутина характерен якобы для «философского раздумья и социальных обобщений на новом витке истории». Эти знаки можно с успехом поменять местами, а лучше посчитать, что элемент нравственный и философский содержится в каждой из этих повестей.)»

Когда автор клеивал в тетрадь своих дневников вырезки из газет, он воспринимал жизнь, как данность, и не воспринимал ее, как интеллектуальную подлость. Ему казалось, что такая ответственная вещь для жизни общества, как критика, всегда должна быть искренней. Он слышал от своих читателей и от критиков в их изустных рецензиях одно, а в прессе изредка читал другое. Кому-то произведение сильно мешало, но никто в этом не признавался. Не то что автору было мало славы, ему не хватало совпадения тайного знания о себе самом с мнением и словами кого-то постороннего. Меньше всего, казалось бы, это сокровенное знание автор рассчитывал получить от партийной прессы, но получил именно от «Правды», когда знаменитый и тонкий критик Анатолий Бочаров 12 мая 1986 года опубликовал там свою статью. Это было слово мастера. Дальше автор еще напишет, как это слово воспримет текущая критика.

«Героем повести С. Есина «Имитатор» стал художник по профессии и директор музея по должности. Человек средних способностей, Семираев необычайно трудолюбив: он, еще будучи студентом, сумел устроить свою персональную выставку. Устроить в обоих смыслах: сумел «пробить», но и имел достаточно работ. Однако следует иметь в виду и то, что он — «пробивной», оборотистый, целеустремленно делающий карьеру, но и «двуужильный», трудяга.

Следует, наверное, признать, что не так уж проста — и не только в искусстве — судьба человека средних способностей: редко кто может трезво и точно оценить свои возможности, да и вообще людям присуще добиваться большего, лучшего. Вот только — какими средствами добиваться? Отлично сознавая, что у него нет ни большого ума, ни большого таланта, Семираев беззастенчиво пускает в ход интриги, демагогию, коварство. «Шустрый гений», — вроде бы шутливо аттестует он сам себя, пытаясь смягчить иронической интонацией впечатление от своих неблаговидных поступков. Жестко и напористо, не отвлекаясь ни на какие заманчивые побочные истории, высвечивает С. Есин семира-

евскую неразборчивость в средствах ради достижения того, что он полагает жизненным успехом.

Некоторые критики не почувствовали иронически-гротесковую манеру автора и трактовали «Имитатора» как обычную психологическую повесть, благо, в ней встречаются и чисто психологические мотивировки некоторых поступков. Но нельзя правильно понять фигуру Семираева, опустив ее реалистическую гротесковость.

Именно гротесковостью, нажимом во многих деталях, ситуациях, репликах вся повесть поднята как бы на градус выше обычного. Не всегда это сделано с достаточным тактом, не всегда выверены и точны переходы от мотивировок чисто психологических к гротесково-психологическим, не на все вопросы отвечено с должной полнотой, но при всех художественных сбоях С.Есину все-таки удалось главное — раскрыть имитаторство, двойничество своего героя. Имитаторство — та модель поведения, когда в искусстве человек повторяет, имитирует высокие образцы, а в жизни он, зная, что поступает плохо, нарушает нормы общества, вынужден «казаться», имитировать нравственное поведение.

Так нащупана С. Есиным действительно болевая точка. Ее можно обнаружить и в иных социальных сферах, но в людях искусства, где талант играет первостепенную роль, она, пожалуй, более ощутима. Так что дело тут не в профессии героя (вот, дескать, какие злодеи состоят в Союзе художников!), а в социально-психологическом феномене имитаторства, расхождении слова с делом, о чем с такой тревогой говорилось на партийном съезде» (газ. «Правда», 12.03.86).

Автор, кажется, обещал свою интерпретацию этого акта газеты. Это окрик, свисток дудки боцмана, все матросы понеслись выполнять указание. А самое главное, это было указание очень ясное и понятное для них. Страх неизвестности пропал, рассеялся туман. Все наконец-то как бы проснулись и, наверное, поняли вдруг и разом, почему это произведение так любит читатель. Пресса определено, когда было надо, умела работать быстро и оперативно. Уже 9 июля, через две недели после выступления «Правды» автор клеивает в свой дневник два пассажи двух авторов.

«И тут надо, наверное, провести грань между персонажами нашей статьи и фигурами типа Семираева из нашумевшей повести Сергея Есина «Имитатор». Бездарный, зато трудолюбивый Семираев занимался не своим делом — это верно, но ведь занимался же все-таки, себя не щадил! Он имитировал талантливость — и столько картин написал, столько полотен насоздавал. что имитация его, как строго к ней ни относиться, все ж таки как бы овеществилась...» У героев А.Курчаткина, Ч. Гусейнова, М. Холмогорова овеществляться нечему — фантомы, истинное слово — фантомы, болотные пузыри! Что же держит их до поры на плаву?»

Это уже знаменитый в свою бытность критик Сергей Чупринин. Сегодня его отношение к автору неопределенно: скорее всего, он рас-

смачивает его как неясный феномен. Сейчас он для него слишком на виду, знаком, привычен.

Тогда автор не мог и предположить, что после «окрика» газеты будут действовать быстро и четко. «Литературка» выправляла линию, в одном номере заставила высказаться двоих. Наряду с С. Чуприниным это уже и знакомый нам Вадим Соколов. Он обобщает всю ситуацию:

«Подведем итоги: кто в выигрыше от таких кампаний? Если начинающий прозаик не просто молод, но свеж и нов в своем таланте, зачем придерживать его до очередного «месячника»? А если он только молод — зачем снижать гребень литературного процесса до уровня издательского конвейера, с которого и без того сходят в плановом порядке безликие книги сорока — и тридцатилетних? «Имитатор» Сергея Есина был напечатан в «Новом мире» рядом с романом одного из лидеров современной прозы — и ничего, не потерялся, был справедливо замечен и читателями, и критикой, занял свое законное (заметное) место в литературном процессе. И не потребовались ссылки на возраст автора, на его малозамеченные до того рассказы, на то, что он еще «сорокалетний». Как не потребовались Вячеславу Кондратьеву ссылки на то, что он совсем не «тридцатилетний» — уже и первые его публикации убедительно доказали, что военная проза приобрела новый и свежий (молодой) талант.

Выходит, палка о двух концах. С одной стороны, авторов одного и двух прозаических сборников объективный литературный процесс (а не только злонамеренная критика) не замечает, не включает в себя, потому что они молодые, образованные, бойко и гладко («пропорционально и симметрично») пишущие, почти как «сорокалетние», — на проверку оказываются не новыми. Количество публикаций не переходит в качество, и повесть молодой Надежды Кожевниковой «В легком жанре» (опубликованная в том же «Новом мире») при всех своих претензиях не становится новым «Имитатором». Тут уж ничего не поделаешь — литературный процесс беспощаден к произведениям второй свежести».

Мы все знаем психологию писателя: когда дело пошло, оно пошло. Автор отчетливо понимает, что если бы он так не любил литературу и не был бы так ей предан, он, как и многие его товарищи по цеху, по университету, по радио, в наше время занялся бы коммерцией. У него всегда была уверенность, что он был бы обеспечен и богат. Но литература потребовала своего. Почти сразу же после окончания «Имитатора» автор принялся писать, в параллель к повести о Ленине, еще и следующий роман.

Здесь могут сказать: это какая-то длинная история, а не диалог с критиками. Ну, не диалог, так типические обиды.

Автор всю жизнь дружил с некоторыми критиками, и дружба, если не распалась, то охладела после того, как некоторые критики, с его точки зрения, совершили по отношению к нему не вполне лояльные действия, т.е. когда автор за их действиями увидел свет других интересов. В этой связи автор хорошо помнит свои длинные прогулки по пес-

чаному берегу в Дубултах вместе с Натальей Борисовной Ивановой, той самой, которая в свое время напечатала в «Знамени» его повесть «Незавершенка» и которая отказалась печатать «Имитатора». «Имитатор» уже был напечатан, написана уже одна из повестей о Ленине. Теперь автор рассказывал критику о следующем романе — «Временщик и временитель», который тогда заканчивал. В нем был охват времени — 30-е годы, предательство, энтузиазм, партийцы, жизнь... Если этот роман не получил должного признания, то в этом, как уже было сказано, — во многом повинна ситуация легкого чтения, вернее, эпидемия разоблачительного бульварного чтива, которым увлеклась вся страна (о покойном Волкогонове — ни слова, пусть его догрызают на том свете его собственные покойники. Хотя, можно себе представить его встречу и разговор один на один, скажем, с И.В. Сталиным или с В.И. Лениным. Занятно!).

Автор во время бесед с Ивановой забыл, что Наталья Борисовна — сноха нашего знаменитого романиста, а в юности — эсера, которого помнил еще и Сталин, по крайней мере, вспоминал о нем, — Анатолия Рыбакова. Автор пытался «влисть» и прояснить свою мысль. Тогда Натальей Борисовной и многими другими критиками того либерального крыла срочно высвобождалось место в истории литературы для эпопеи «Дети Арбата». (Критики все время кого-то уничтожают, освобождая место для другого фаворита. Последнее время, кажется, идет игра против Шолохова, чтобы на его место протиснуть Солженицына.)

Какая это была, казалось бы, замечательная книжка! Когда автор прочитал первый номер «Дружбы народов» с «Детьми Арбата» (а публикацию эту санкционировал сам Горбачев), он пришел в жуткий восторг и воскликнул: «Вот это — Нобелевская премия!» Но уже третий номер журнала и, естественно, остальные выпали из круга его чтения. Где сейчас этот всевластный еще недавно в литературе Рыбаков, где его романистика, даже где его мемуары? Попутно только замечу старую истину: как правило, из литературы выпадает то, что лишено языка и оригинальной определенности стиля. Все утонуло, как утонет всякая себялюбивая и мелкая критика.

О «Временителе», о котором говорилось на рижском взморье, Н.Б. потом написала несколько уклончивых строк. Аналогичные ситуации возникали и раньше, и позже, по поводу последующих романов автора — «Гувернер» и «Затмение Марса». К этому времени автор вышел из редколлегии либерального «Знамени». И соответственно для либеральной прессы он оказался уже не так хорош. Романы принимала патриотическая пресса, о них хорошо говорили читатели. Но чем в то время обладали патриоты, у которых, вдобавок ко всему, шли еще и собственные разборки? Как до этого — с «Временителем». Его место в текущем процессе, да и сам процесс определил все тот же выдающийся литературовед Анатолий Бочаров:

«Начну с того, что этот литературный год начался чуть раньше, чем календарный, — может быть, с публикации «Нового назначения» Бека в осенних номерах «Знамени» за 1986 год. И определяет

картину года непривычное для нас сплетение четырех литературных слоев. Первый из них составляют произведения двадцатых годов — «Повесть непогашенной луны» Пильняка, «Собачье сердце» Булгакова, «Котлован» Платонова. Далее идут «Новое назначение» Бека и другие произведения шестидесятых годов, созданные, если можно так выразиться, на волне XX съезда. Затем, в третьем слое, мы видим вещи, которые из глубины застойного периода долго не могли пробиться к читателю. Я имею в виду повесть Приставкина «Ночевала тучка золотая», «Пушкинский дом» Битова, «Любавиных» Шукшина и опять-таки многое другое.

И, наконец, книги, которые пришли к нам естественным путем, без мучительной паузы между написанием и напечатанием. Такие, как «Зубр» Гранина, «Временитель» Есина, «В тумане» Быкова. Так что атмосфера, действительно, создалась очень своеобразная, и у нас появилась возможность нового взгляда не только на современную прозу, но и на литературу всего XX века.

Неожиданную рецензию на «Временителя» несколько позже автор получил от человека, литературный вкус которого считается безукоризненным. Книга с несколькими романами попала в дом А.П. и М.О. Чудаковых. Обратил автор получил исписанный от руки лист бумаги с заметками Александра Павловича для себя. Автор даже не уверен, стоит ли их печатать, но слишком уж велик соблазн самоутверждения.

1. Тонко уловлен тип главного героя — Вени, умного талантливый, но так за 25 лет не собравшегося написать что-то свое, но щедро дарящего свои идеи — ему достаточно просто одобрения, высокой — устной — их оценки. Один из распространенных типов русского человека.

2. Достаточно напряженная, без споров, стилистическая волна — что непросто.

3. Слишком злодейски законченно — черен Пылаев: все с ранней юности знает, все у него получается в его иезуитских планах. Хоть бы один срыв? Или чуть рефлексии? Откуда такая законченность и выверенность макиавеллическая у русского юноши? А.Ч».

Эта запись для себя была сделана А.П.Чудаковым в сентябре 1994 года. К этому времени боль невнимания уже остыла. Но ведь очень важно, чтобы у любого автора, пишущего в молчании, не развился комплекс неполноценности. Каждый писатель, по большому счету, конечно, знает, имеет ли он право на внимание со стороны критики, или может обойтись без него, используя иные показатели. Предположим, за Маринину голосует касса, и даже поверхностный анализ говорит, что подобная литература никакой не литературный факт, а просто специфический товар, но, ясно, что, скажем, писатель ранга Распутина или Белова, имеющий тысячную аудиторию при отсутствии коммуникации с ней, имеет право на анализ со стороны критики. Иначе не называйтесь критикой, скажите, что вас нет, растворитесь в преподавании. Точно такими же правами пользуется и публика: она хочет знать оценки профессионалов явлений литературы. Иначе опять — не называйтесь критикой.

Не хочется здесь вспоминать, чем занималась критика и как, группово разделившись не только по принципам убеждений, но и отчетливо понимая, в каком лагере касса, выплачивающая гонорар, щедрее и богаче, в этих случаях и писатели становятся изощреннее в своем анализе. Они начинают понимать, кто дает деньги на тот или иной орган, а, как известно, платящий заказывает и инструментовку, и мотив. Обиженный писатель начинает подмечать, что тот или иной критик жалуется своих «подопечных» или по убеждениям, или по классу, или по национальному признаку. Ну, для того чтобы в этом увериться, достаточно прочесть последнюю книжку Солженицына!

Сейчас, когда автор пишет эти строки, он должен, скорее по памяти, отметить с сожалением, что мало всегда занимался своей критикой и собственной прессой. Видимо, это тоже входит в обязанности писателя, но для этого нужен особый вкус. За свою жизнь автор наблюдал такое специфическое партнерство тысячи раз. Конечно, существует интеллектуальное и художественное сродство, сколько писателей обхаживает своего критического кумира. Впрочем, по сути, все известно, кто с кем пьет, кто стоит на баррикадах, соседствует по даче, состоит в родстве, за кого выдает замуж дочку и на чьем сыне женит другую! Но к теме.

Точно так же пропал для критики и роман «Казус», который в журнале «Московский вестник» напечатал опытный ценитель литературы Владимир Гусев. Он напечатал его в начале перестройки, и здесь автор рассказал о том, чем перестройка кончится, — а кончится она, по его мнению, тоталитаризмом и таким бюрократическим безобразием, что все остальное мировое пространство будет стремиться отгородить себя от территории, называвшейся когда-то Советским Союзом и Россией.

У автора было ощущение литературной победы. Не сложно жить в литературе, все время вызывая публицистические восторги, — сложнее дудеть в свою дудочку в надежде выйти на мелодию.

Компенсацию этого демонстративного молчания, или, скорее признака, может быть, каких-то иных достоинств автора, можно увидеть в том шквале, который обрушила на автора текущая, бытовая пресса. И как ректор, и как писатель он дал в те времена не менее сотни интервью, вел на телевидении передачу «Книжный двор», в начале перестройки по московской программе вечернюю, чередуясь с покойным Вяч. Шугаевым, потом стал ее постоянным ведущим. Но автор уже тогда утвердился в мысли, что надо обихаживать свою нишу. Горечи накопилась много, и в профессиональном смысле, и в смысле наблюдений над нравами культуры. Именно тогда, где-то в 93-м году, непосредственно за повестью «Стоящая в дверях» возникла мысль написать документальный роман «В сезон засолки огурцов». Собственно говоря, если внимательно посмотреть эту книжку, она тоже, как и ряд других художественных произведений автора — некий диалог все с той же критикой. Надо сказать, что у автора всегда была идеалистическая точка зрения: награда всегда найдет героя, всегда воздается по заслугам — точка зрения для нашего времени неприемлемая.

Герои «Огурцов» — а здесь действовали уже не вымышленные, не прототипы, а реальные люди — и их поступки тоже «доставали», их хор скандировал разнообразные высказывания и восклицания. Всё как обычно. Кому же хочется взглянуть в то, что он сам делает и творит!

В этом смысле есть любопытнейший пример — реплика на книжку «Огурцов» в «Новом мире» известного и обычно аналитически-организованного критика Аллы Марченко. Но ангажированность, она иногда мутит рассудок. Прошло семь лет с той энергичной поры, многое определилось, стало не только ясным, но и очевидным. Хотелось бы мне взглянуть в лицо Аллы Марченко в момент, когда она перечитывала бы собственное сочинение. Дело не в том, что журнальная публицистика такого рода быстро стареет, детали того времени окончательно обнажились. Маститый критик увидела в книжке, «писанной Сергеем Николаевичем Есиным», не детали литературного быта и литературные характеры, а «историю его вскарабкивания на трон-кресло ректора Литинститута». Пропустим здесь лишь одну строку и последуем за цитатой дальше: «Событие это ... наделало шуму — в узких окололитературных кругах, разумеется. И не потому, что вся Москва так уж обеспокоилась судьбой легендарного учебного заведения — дни его славы миновали, — а потому, что никто как-то не ожидал, что на диво сложный Е.Сидоровым педагогический коллектив, выбирая между Вл.Ив. Новиковым (проректором) и Русланом Киреевым, крепким прозаиком и одним из старейших (по стажу) руководителей творческого семинара, предпочел им, известным всем людям, Сергея Есина — человека в Литинституте новенького, ни энергией, ни административным талантом не прославившегося, к тому же «твердила людская молва», порченого-траченого долгосрочной службой в системе».

Как бьет иногда собственный текст автора! Не правда ли, прекрасно и точно все написано! Кому, во что бы то ни стало, хотела критик услужить? Кому хотела понравиться? Я уже не говорю, когда рассматриваешь этот текст сегодня: кого осрамила? Киреева, которого назвала «крепким прозаиком», Е.Сидорова с его «на диво спаянным педагогическим коллективом», который не голосует по команде и воле «демократического» сознания? Литинститут — выпускники которого, и старые и новые, составляют основную костяк авторов «Нового мира», или его нынешнего главного редактора, который является выпускником института, а сейчас и одним из многих преподавателей-совместителей. А каков тон у уважаемого критика! Каков стиль! Какое умение придавать словам определенное управление. Стреляться надо литератору, когда он пишет «историю вскарабкивания»!

Всё критик ставит «демократически», как Ельцину, избранному ректору, в строку. «Экономом новым ректор оказался аховый». И программа, написанная этим никчемным ректором «при восхождении в ректорский чин», оказалась «сфабрикованной», а сам «народолюбец жить не только любит, но и умеет — со вкусом и смаком, чтобы при автомашине, и при шапке не по Сеньке, и при огурцах-ябло-

нях». Здесь ничему не возразишь и только можно констатировать нечто действительно очень выгодное, как об этом в «Огурцах» и писалось: машина досталась ректору еще при «коммуняках», дачи в Переделкине новый ректор так и не получил, потому что по традиции они разобраны, а теперь видно, что и разбазарены писателями-демократами, а старые «огурцы-яблони» — это остатки и льготы коммунистического строя, который, по Марченко, со всем хорошим и плохим следует забыть!

Но еще одну цитату. Так иногда приятно поворошить архивы. Критик очень талантливо, не щадя ни своих, ни чужих, вскрывает подтексты. У нового ректора, как известно, на каждого по папке-досье! (стр.229)

Самой пухлой, как и следовало ожидать, оказалась папка Главного Конкурента — проректора, глядящего в ректоры: и «гордец»-то он, и «многоопытный советский интриган», и прохвост (проиграв выборы, целых пять месяцев «поотдыхался на институтском коште»); справки из поликлиники Литфонда, конечно, представил, но что такое литфондовские справки? Всем известная липа. И лишь «уболевишись всласть, то бишь закончив в срочном порядке докторскую диссертацию, подал — наконец-то! — «заявление об уходе». Досталось, естественно, и эксректору. И мил вроде, и обаятелен, и демократичен, но: по хорошо проверенным слухам, во-первых, сжигаем «неуемной страстью к заграничке», а во-вторых, уходя на повышение, тоже интриганил — все сделал, чтобы усадить на ректорское место своего человека (Новикова, естественно), ибо «со своим человеком уходили в «срок давности» и все хозяйственные... дела». Тонко выражается Есин, за дымовой завесой прячет ухмылку: Сидоров все-таки не Новиков, Новиков пока без Опасного Места, а «Женя» вон куда залетел — аж в министры культуры. Но и сквозь напущенный для блезиру туман понятно, на что намекает: нечист, нечист на руку милый и демократичный Евгений Юрьевич! По всем приметам — нечист!» Конец цитаты.

Не я сказал слово «нечист»! Но время прошло, боль осела и сейчас скажу по-другому: «недоглядист». Возможно, не сам бывший министр культуры подписывал преступные документы, по которым существовали даровые аренды литинститутских гаражей и гостиницы, а для этого находились холуи и проректоры. Но сожгли квартиру тому, кто попытался вернуть в институт эти площади обратно, — сожгли не старому, а именно новому ректору. «Коммерсант» так и писал, что это первый случай террора по отношению к деятелям культуры. Вот так-то, дорогая Алла Марченко! И на каждое облыжное слово в той новомирской статье есть свой аргумент. И главный: двенадцать лет стоит и прибывает славы Литературный институт, а что сделали Вы с тиражом вашего замечательного журнала? Не сама ли это неразумная демократия считала мифические доходы журнала, печатавшегося на «тотальной», почти даровой бумаге, и приворачивала тиражи, и так их довернула, так хорошо накормила публику прямыми «разоблачениями», что та перестала читать художественную литературу.

И, наконец, последнее. Где-то в самом начале нашего спора мы пропустили какую-то строчку. Как собака метит двор, так в самом начале своей реплики «На всякого мудреца простоты хватило» Алла Марченко, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений относительно «полярности» отношений у автора и его контрагента, метит и автора, и его издателя: «Отступление от романа, или В сезон засолки огурцов», «Наш современник», 1994, № 7 и 8». «Новый мир» и «Наш современник» — два мира и разные герои.

Вопреки расхожему присловию Пастернака, архивы собирать не всегда бесполезно. Любовь пространства не отменяется! Тряхнул на даче полку, и посыпались вырезки из газет и журналов. Перечитываем. Но автор смеет утверждать: эти собранные им документы он своевременно, т. е. в момент их появления на свет, не смог освоить. Все забылось, затуманилось, в ощущениях какая-то муть. Может быть, здесь присутствовала брезгливость, которая свойственна человеку, когда он слышит что-либо несправедливо порочащее близких или его самого? Не вступать в спор, на грязь облыжник наступит сам, а со временем и грязь высохнет, развеется сама по себе. И не кинет ли порыв ветра эту мертвую пыль в лицо обидчику? Вот такие мысли возникли у автора, когда он перечел старые статьи середины девяностых годов о своем, ну, скажем так, с перехлестом, — творчестве. Но сначала некоторые уточняющие соображения.

Вспомним, как долго еще тот режим, перьями всё тех же критиков, пытался что-то сформулировать по поводу романа, нашедшего безусловное одобрение у самых широких масс читателей! Здесь было трудно что-либо плохое сказать о качестве самого письма, о живости и типе героя, — пишущие знают, что «отрицательный материал» создать легче. Вот «критическая масса» и собиралась, сгущаясь почти год, до печально известной статьи Ф. Чапчахова. И снова год с лишним собиралась, после того как автор ушел из либерального «Знамени», после того как случилось неожиданное, — его избрали ректором в институте, который традиционно считался плацдармом «их направления», либеральных сил. Автор и сам себя относит и к либералам и к демократам, если придавать этим терминам их первородство, а не вкладывать в них то уродливо-себялюбивое содержание, которое они получили ныне. Ну, потребовались еще и предлоги! «Жертва» должна была поновому себя проявлять! Их, предлогов, по мнению этих «критически мыслящих личностей», было два — появление летом 1992 года повести «Стоящая в дверях» в злополучном «Нашем современнике» и в 1994-м «Отступления от романа, или В сезон засолки огурцов» в не менее злокозненном «Современном писателе». Наконец-то! Капкан захлопнулся! Статья появилась в «Литгазете» в 1994 году, лишь в январе. Некогда отсрочка казни «провинившегося» была вызвана еще и пожаром (буквально) в доме писателя. Необходимо было соблюдать некоторые, «как у людей», нормы.

Из папочки с дачной полки автор извлек три критических работы. Во-первых, статья-ревизия — обо всем — некоей Евгении Щегловой.

«Стоящий за дверью». Ясно? Была еще также статья А. Никифоровой в 199(?) г. в «Новом литературном обозрении» и статья В. Оскоцкого « в 1994-м в «Литературных новостях». «Сергей Есин и его герои». «Сексуальная дура? Не такая уж дура... о новой повести С. Есина». Все три статьи об одном и том же, а не по поводу конкретного, написанного автором материала.

Главный мотив всех этих трех, горящих неумелой мстительностью критических изложений: как мы ошиблись! Как ошибались! Что же наделали! Как забрать обратно розданные С.Есину слова и похвалы? Как переубедить его читателя, отвадить от этого автора?

«Прозревать назад» — занятие, как известно, неблагородное. Все мы сейчас умные, все, наблюдая иные писательские метаморфозы, готовы поднять указательный палец: «А-а! Что я говорил! Кого мы хвалили! В ком высматривали глубины!». Расшифровывает всё, уточняет и раскрывает прием Е. Щеглова. Ей вторит — а впрочем, кто кому вторит, пойдя здесь здесь разберись — однолагерник В Оскоцкий:

«... в новой повести С. Есина доминирует прежняя разоблачительная ирония, небезуспешно апробированная в романах «Имитатор», «Временитель», «Соглядатай», тоже строившихся исповедально. При досадной «лбовитости» разоблачений героев из творческой и около-творческой среды эти романы (два из трех печатались в баклановском «Знамени», что само по себе означало тогда в самом начале перестройки знак качества) были замечены и поддержаны. Но, оказывается, эти романы сами по себе ничего не стоили»...

А третий сотоварищ по демократической резервации, А. Никифорова, начинает с признания своей добросовестности: «...хотя никогда не читала сочинений Есина, всё же встречала эту фамилию не в «Крестьянке» или «Советском воине», а в солидных журналах типа «Нового мира» и «Знамени»...

Как это все напоминает писательские собрания былых времен: «не знаю, но скажу!» Где же это журнал откопал такого бодрого и ко всему готового писца? Попутно заметим, что тенденция такая сейчас налицо, но А.Никифорова, возможно, была пионеркой — чтобы написать заказную статью, читать необязательно.

Пропустим пока статью Е.Щегловой, как тотально обзорную. Здесь налицо стремление каждый последующий роман автора вывести из конъюнктуры. Это не требует особого труда, потому что подобным образом из конъюнктуры выводится и «Горе от ума», и «Бесы», и «Воскресение», и «Обмен». А что не выводится при желании? Но больше всего автора и заказчика раздражила «Стоящая в дверях». Поэтому — дабы никого не оспаривать и никого не называть глупцом, а главное, долго не спорить — применим тот же прием, который уже имел место ранее: журналист один на один со старой цитатой.

«А что до идейного содержания, «Стоящая в дверях» показывает, что нынешний Есин весьма внимательно прочитывает и «Наш современник», и «Молодую гвардию», и «Литературную Россию» — большин-

ство умозаключений повести весьма адекватно отражают идеи, пропагандируемые на страницах этих изданий.

В самом деле, какой постулат, относящийся к нелегким нынешним дням, может быть наиболее удобен и охотно разделяем многими? Разумеется, раньше, при коммунистах, было хорошо, и продукты дешевы, и трамваи ходили, и квартиры бесплатные давали, а сейчас плохо. Кто виноват? Те, кто к власти пришел.

Постулат второй: что плохого в идее единого могучего государства, объединившего многонациональные народы? Разумеется, ничего худого нет. Демократы же государство развалили, а народы перессорили. Вывод: ничего и никого нет хуже демократии и демократов, а членам ГКЧП, которые мужественно, подобно декабристам, пошли на приступ предательской власти, вздумав то государство объединить, напротив, — ура и многая лета.

Тут же готов и третий постулат. Раньше спекулянтов наказывали, а теперь называют предпринимателями и поощряют. Вывод: демократы — те, что расплодили хапуг и ворюг, уставили все киоски бутылками с завлекательными этикетками, распродали Россию иностранцам, — преступники и воры. Казнить, нельзя помиловать».

Не надо здесь даже быть демагогом, чтобы рассказать, как много это государство, во главе которого все те же демократы, за последнее время сделало для народа. Здесь и реформа электроснабжения, и новое здравоохранение, и взлет науки, и образцовая школа, и бесплатное высшее образование, и право на жилье, и рост населения! И многое другое. Есть, чем хвастаться? Разворачивать эти ряды не будем. Но спрашивается: чего это они так взъерились на обычную, проходную повесть автора? В то время этих «новых демократов» почем зря костерили в разных изданиях, а тут какая-то повесть «не в центральном» журнале, а в «Нашем современнике». Объяснение нашлось. Мудрый В.Оскоцкий, сделавший во время перестройки, как и автор, рокировку, но только наоборот, потому что автор-то не писал теорий ни о социалистическом реализме, ни о дружбе народов, ни о дружбе литератур, все и сказал:

«Прочел я новую повесть С.Есина и не могу отделаться от впечатления, что каждое из вышеупомянутых названий по-своему приложимо не только к сюжету, имитирующему ход действительных событий, но и к авторской позиции, растворенной в этом сюжете. И как тут не досадовать, что первым обращением современной прозы к поворотному рубежу Августа стал даже не конъюнктурный отклик на тему, а кривое зеркало плоской и злой карикатуры!».»

Вот это-то и было авторам и заказчикам обидно: новое время, надо бы бить в литавры, еще нет замерзающего Владивостока, утонувшего «Курска», Кармадонского ущелья, которое случилось потому, что перестали проводить противолавинные мероприятия, нет Чечни, нет корбки из-под ксерокса, нет бегства из страны Гусинского и Березовского, а автор нагло и решительно всё это сулит.

Но есть еще и «в-четвертых», лежащее, так сказать, в эстетически

художественных навыках критиков от маститой Аллы Марченко до, кажется, пропавших в трюмах литературной демократии Е. Щегловой и нечитающей А. Никифоровой. Действительно они так читают? Как думают? Во всех этих статьях одна и та же нехитрая модель. Наших бьют — вот пафос! *«Поскольку в советском сознании неотъемлемым компонентом окружающего мира является вредитель, роль их в данной книге — в этой роли выступают многочисленные враги повествователя — известные литературоведы и критики: М.Чудакова, С.Чупринин, Т.Бек, Вл.Новиков, которым даны памфлетные, местами оскорбительные характеристики».* (А. Никифорова). Правда, чаще всего не бьют, а приводят их слова и поступки в определенном контексте. Но как не услужить родному человеку, даже в мнимой защите.

Защищает всё тех же персонажей и А.Марченко: *«Явилась, скажем, Мариэтта Омаровна Чудакова на одно из торжественных мероприятий...»* Защищает И.Вишневскую, О.Николаеву, Руслана Киреева (*«крепкого прозаика»*). От кого защищает? Если бы только А.Марченко знала, что такое власть ректора и как можно ею воспользоваться даже при самых либеральных и демократических порядках в Литинституте! Вл.Иванович ни одного дня с новым ректором не работал, ни разу после его избрания с ним не встречался, практически его не знает, сам ушел, по собственному желанию, нафантазировав себе черт знает что, ушел от досады, от неосуществившихся честолюбивых планов; Игорь Иванович Виноградов ушел из института, потому что в это время получил *«Континент»*, ушел, поговорив с ректором и объяснив причины, а не потому, что встречался с папой Иоанном Павлом II. Но ведь все остальные-то, включая обиженную Мариэтту Омаровну и ранее не работавшего в институте ее мужа, знаменитого литературоведа Александра Павловича Чудакова, здесь! — и С.Чупринин, и Т.Бек, и О.Николаева, и И.Вишневская, и *«крепкий прозаик»* Руслан Киреев благополучно работают с извергом ректором уже двенадцать лет, и он почему-то не торопится их, в соответствии с пометками А.Марченко, убрать.

Вообще, с точки зрения автора, время роскошной беллетристической прозы уходит. Конечно, еще можно долго крутиться вокруг пустого места, пожиная плоды на поприще мелких премий, но читатель, на глазах у которого разрушены все мыслимые и немыслимые чудеса, уже требует иной прозы, прозы иного подхода к миру и взгляда на жизнь, где уже документалистика и прямая мысль маскируются под прозу или проза маскируется под документалистику. Прямое высказывание. Собственно говоря, автор думал об этом во время написания *«Огурцов»* и потом, позже, собирая и редактируя корпус своих дневников. Примеры уже были — это публикации Солженицына, это мемуарные книги Топорова. С этой точки зрения и почти 500-страничный *«Ленин»* — тоже мемуарная проза, замаскированная под воспоминания современников, под диалог, под документ. Здесь можно найти переключки с критикой и споры с нею, но чисто *«художественного»* и *«изящного»* здесь меньше.

Если посмотреть даже неполный именной указатель *«Дневников»*,

где выпущены фамилии многих учеников автора, многих друзей с литературным призванием и литературной жизнью, а все взято в несколько укрупненном виде, то и здесь около трех сотен фамилий писателей, начинающих литераторов и известных деятелей искусств. На каждое движение критики, которая так хорошо забаррикадировалась в своей групповой отчужденности и которая всегда оставалась без должного ответа, потому что отвечать было просто негде, — диалог возникал в дневниках. Когда было трудно или невозможно спорить — а как поспоришь с заклеенным скотчем ртом, — спор проходил на другой площадке. Теперь наступило время иных его форм. Что здесь приходит на ум? Два эпизода.

Эпизод первый, связанный с большой статьей Олега Павлова в «Литгазете». Видимо, эту статью прочли многие. По крайней мере в интервью, которое у автора брал для «Вечернего клуба» корреспондент А.Кравченко, эта тема возникла. И здесь автор с определенной широтой и долей риска приводит не только свой ответ, но и, чтобы высветить предмет спора, и вопрос корреспондента.

«Вопрос. «В последние месяцы против вас активно выступает Олег Павлов, недавний выпускник Литинститута. Основные положения его публикаций: Есин — антисемит, с попустительства Есина в Литинституте насаждается юдофобия; Есин увольняет честную профессуру; Есин изживает из Литинститута память об Андрее Платонове. Ваши комментарии?»

Ответ. Вы не все его статьи читали. В «Литературной газете» Павлов пишет, как в Литинституте кого-то избивали за то, что ему нравятся стихи евреев. А в «Литературной России» он пишет, что Есин разгоняет патриотическую интеллигенцию, истинно русских людей. У меня складывается впечатление, что Павлов — очень лихой конъюнктурщик, который в соответствии со специфическими требованиями той или иной газеты пишет то, что ей увлекательно... Да ректор даже при всем желании разогнать никого не может. Ректор может выполнить свои функциональные обязанности: если профессор на лекции пьяный, ректор объявляет ему выговор. Профессор кучерявится, пишет заявление об уходе, а ректор накладывает резолюцию: хочешь уйти — уходи... А вопросов антисемитизма я касаться не хочу. Это последнее прибежище в политической борьбе. Меня оскорбляет само обсуждение вопросов, какой бык какую телочку покрыл. В литературе национальность всплывает, если плохо написано. А так — мы не говорим о национальности Пастернака, Мандельштама или Бродского. Мои друзья иногда смеются, увидев, как я на даче, кроша салатик, прислоню к батону книжку Бродского и читаю...

Но вернемся, так сказать, к первоисточнику.... В папках автора, к сожалению, не сохранилась статья О. Павлова в «Литгазете», но есть другая той же поры — в «Октябре». Статья называлась «Газетный хам»⁷. Название, конечно, расширительное, но тем не менее автор сразу подумал — не слишком ли крепко мальчик бьет? Автор охотно верит,

что у него куча недостатков, но, пожалуй, в хамстве его обвинить — всего сложнее. Такую статью трудно воспринимать. С одной стороны, представляешь, что она будет прочитана людьми, плохо знающими ситуацию, не умеющими «вынуть» мотив из центра статьи, не владеющими психической оценкой субъекта. Впрочем, со временем мне многое открылось. После, наверное, вполне заслуженного получения «Букера» Олег Павлов дал несколько интервью, и совсем не надо было лезть в досье, чтобы установить, мягко говоря, его психическую подвижность. Это же не автор, а его оппонент писал, что из армии его списали по психической статье. Каждый пишет, как он дышит, и каждого списывают за то, чего он стоит. Автора в свое время списали из-за высокого давления, так оно у него и до сих пор на том же уровне, и в этом автор не винит советскую власть. Правда, и в конвойных войсках автор не служил. Но вернемся к теме.

Люди, плохо знающие литературный мир, могут все воспринять слишком буквально. В их сознании вся павловская аргументация слипнется, превратится в один ком — и намек Страхова по поводу прототипов «Бесов» и якобы комплексов Достоевского, и какие-то поступки Есина. Чертовщина какая-то. Одни выводы и ударения наложатся на другие. Реплика «Газетный хам» в основном посвящена рассказу, вернее, выступлению автора в «Независимой газете» от 21 марта 1996 года. Посвящена эта заметка похоронам преподавателя Литинститута, выдающегося русского советского поэта Юрия Левитанского. И в этой заметке был некий эпизод, связанный с совещанием молодых писателей и письмом студентов своему ректору. На всё можно иметь свою точку зрения. Вот как пишет О.Павлов:

«По силе низости все превзошел, рекорд поставил этой «независимости» от таланта и совести ... мемуар Сергея Есина или даже отчет о похоронах поэта-фронтовика Левитанского. Кровососный этот панегирик ректор института начинает с рассуждения, каких он любит евреев — хороших, а каких не любит — плохих. Что пришло ему письмо, гневное, от студентов, где они делятся своей болью, как их на Ярославское совещание молодых писателей, бедных мальчиков и девочек, заманивали пряником, а потом опутывали и страшили те самые евреи, чуть не сломили в свою веру, и вот наш ректор, его высокоблагородие, поучает, как плохих от хороших отличить».

Бог с ним, всё ушло. К чему сейчас вспоминать былое. Но, перечитывая статью, автор все-таки нашел разгадку, вернее, нашел ее сам Павлов, раньше автору это не бросилось в глаза. Разгадка проста.

« Она в том, что сам Сергей Есин, как ректор Литинститута, не был приглашен руководить семинаром на Ярославское совещание молодых, а не был приглашен потому, что он, ректор Литинститута, даже не средний, а ниже среднего, беллетрист, и весь его авторитет как художника имеет власть разве до порожка Тверского бульвара, где некогда свободный критик ... величает своего благодетеля на Ученом совете «писателем XXI века».

Не будем считаться славою, как выяснилось, оба — и Павлов, и

автор — дожили до XXI века. Павлов получил «Букера», Есин выпустил в том же XXI веке 40 печатных листов своих «Дневников» и 26 печатных листов романа «Смерть Титана». Некий «свободный критик» тоже жив и по-прежнему знаменит. А в свое время Есина на это самое совещание все же приглашали, и наверное, он поехал бы, но свободный писатель — это свободный писатель, он отвечает только за себя и свои произведения и за свою конъюнктуру, — ректор отвечает еще за то, чтобы снабжать работой, а иногда и просто кормить свободных писателей. Пусть живут и пусть пишут. Собственно говоря, здесь нет полемики с критиком, есть давняя обида на судьбу, которая сделала, в общем, наверное, неплохого человека, в его честолюбии и стремлении занять место под солнцем, — безумным честолюбцем. Болезнь ли это или генеральская генетика — кто знает. Пишет автор в данном случае о том, в чем сомневается.

Автор отчетливо сознает, как далеко может завести подобный спор с коллегой, особенно, если коллега априори только себя считает писателем. В отличие от своего оппонента, автор не может рассказывать о том, как это противостояние начиналось. В конце концов автора останавливает, что он подписывал Павлову диплом об окончании Литинститута, а Павлова это не останавливает. Начав спорить, выявлять тайные мотивы и оценивать в этом споре чужое творчество — слишком захватывающая игра. Можно, например, говорить о том, что же это за творчество, которое раз за разом выдает материал слабее и кормится исключительно творческими недостатками прошлого режима. Но автор пока Олега Павлова просто не читал. Автор часто и много читает по необходимости, а по интересу только то, что его захватывает. Начав спорить и особенно оправдываться, можно ненароком написать книгу, которая автору-то уже, во всяком случае, не нужна. Так смотришь, на чужом горбу и Павлов влезет в литературу большого стиля. Но теперь автор прочитает. Завершая этот спор, в котором у автора никогда не было обиды, а только досада на именно такое устройство чужой души и ума, автор окончательно всё заканчивает. Вернее, закончил. Но этой теме посвящены несколько страниц дневника.

8 декабря 2002 г., воскресенье. День прошел под знаком Олега Павлова. Во-первых, Ашот опустил мне, как и всегда, в почтовый ящик вырезки из «Коммерсанта», посвященные литературе и искусству, там огромный комментарий Лизы Новиковой о церемонии вручения «Букера», кстати, теперь это называется так: «Букер — Открытая Россия». Для кого открытая? Для кого закрытая? Кто открыл? Кто помог? Лиза — ее мне показали во время церемонии — рыжеволосая, круглолицая девица. Как она пишет, мне известно, иногда довольно толково, иногда не читая, но всегда увлекательно. Ее комментарий о Павлове безжалостен и к литературе, и ко всем персонажам этой церемонии. В нем много справедливого, с чем приходится согласиться. Ее папа и мама, конечно, пишут средние романы, но ведь филологи они, судя по этим романам, классные, да и не по романам тоже. Значит, и девочка с детства росла в

атмосфере не простой. Вот кое-что из ее комментария. В отсутствии бестрепетности девочку не обвинишь.

Общая ситуация в шорт-листе: «Вычли бунтовщика поневоле Владимира Сорокина, маловразумительного Владимира Месяца и не по годам напористого Дмитрия Бортникова. Перед жюри (в котором в этом году под председательством Владимира Маканина оказались Татьяна Бек, Андрей Волос, Александр Городницкий и Валентин Лукьянин) встал вопрос, кого выбирать из трех оставшихся». Всего в шорт-листе, кроме уже упомянутых героев, претендентов было шестеро.

Пропускаю любопытные рассуждения Лизы Новиковой о Мелихове и Гандлевском. Я человек внушаемый, и теперь эти оценочки будут со мной, вот тебе и рыжеволосая, круглолицая девочка! У нового поколения есть определенная смелость по отношению к буржуазным авторитетам.

Характеристика творчества Павлова. «Олег Павлов удачная фигура для букеровского соревнования. Он молод, современен, моден, содержит сайт в Интернете, активно выступает в качестве критика — словом, не желая оставаться просто прозаиком, рвется в важные фигуры литературной жизни, в старые времена он, несомненно, вышел бы в секретари СП.

Ударная фраза. Для понимания Павлова очень важен этот пассаж Новиковой: «рвется в важные фигуры литературной жизни»,

Теперь к раскладу сил перед окончательным выбором букеровского лауреата по Новиковой: «Осталась работа Олега Павлова, молодого автора, уже побывавшего в букеровских и «антибукеровских» лауреатах, «длинных» и «коротких» списках, а с романом «Карагандинские девятины» — в шорт-листе «национальный бестселлер». Причем за эти годы он старался не изменять ни своему стилю, ни своей теме: его «Казенная сказка» (дебют 24-летнего писателя в 1994 году), «Дело Матюшина» и «Карагандинские девятины» составили бесконечную трилогию о бесконечных тяготах его армейской жизни.

Романы и повести Олега Павлова автобиографичны: он проходил службу в конвойных войсках и служил охранником в карагандинских лагерях. Первое же его крупное произведение — «Казенная сказка» выглядело попыткой изжить тяжесть реального армейского опыта. С тех пор он все пишет и пишет про ужасы в казармах. Возможно, именно поэтому читатель павловских произведений не испытывает обещанного писателем катарсиса: автору оказывается угодно водить нас целых три круга вокруг да около, как будто к выходу он уже не стремится».

Но это все писал «Коммерсант», а между тем, что совершенно естественно, появилось — это, во-вторых — огромное интервью самого Олега Павлова в «Труде». Оно умно, взвешенно. Павлов уже человек верующий. Вот из этого интервью несколько фрагментов. На фотографии в газете Павлов изображен как бы на фоне Маканина, в свое время на том самом совещании молодых писателей, он был его ассистентом. Приятно, что Павлов упоминает и Литинститут.

«В конце 80-х я был призван в советскую армию. Попал в Среднюю Азию, в конвойные войска МВД. Служба там заметно отличается от службы в армейских частях. Я об этом ничего не знал, хотя мой дед всю жизнь прослужил в этой системе — он был генерал-лейтенантом МВД». Для себя я обращаю внимание на два обстоятельства: не просто генерал-майор, а следующий, очень большой, чин, значит, наверное, обеспеченное, сытое детство, но судьба обычно за это мстит каким-нибудь духовным вывихом. Насчет деда не случайная оговорка. «Так вот, — продолжает чуть ниже свой монолог Павлов, — один мой дед содержался в таком поселке, неподалеку в Курганской области (Павлов говорит о поселке для спецпереселенцев, ссыльных из раскулаченных), комендантом которого в то же самые годы был другой мой дед, оперуполномоченный НКВД». Дед-генерал, видимо, прошел тяжелую школу, созидая свою высокую карьеру и нигде, ни разу не оступился. Вообще-то меня всегда волновал феномен детей и внуков обеспеченных, вернее даже сиятельных, родителей или прауродителей советских времен: с каким остервенением дети и внуки всегда таскают за холку эту проклятую советскую власть, которая их воспитала и дала на каком-то этапе некоторую фору по сравнению с их сверстниками. Петр Иванович Якир, Василий Павлович Аксенов, Булат Шалвович Окуджава, далее этот ряд не продолжаю.

Но собираясь ставить следующую цитату, вдруг понял, почему это в свое время Олег Павлов так был раздражен, когда узнал, что я попросил из архива института его личное дело. Тогда я ведь ничего особенного от этого личного дела не хотел, я просто убедился, что этот специфический парень, опубликовавший против меня буквально за несколько месяцев три подлых, полных инсинуаций и гадостей, статьи, созданных даже с каким-то остервенением, став орудием каких-то третьих лиц, для меня ясных и очевидных, оказывается, хорошо учился. Я плохо смотрел его личное дело, я кое-что там недорассмотрел. *«В армию я ушел здоровым и сильным. А вернулся инвалидом, с сильнейшими головными болями. Списали меня по «психической» статье, так было проще избавиться — «отбракованный человеческий материал». Тема эта для Павлова больная, что естественно, он повторяет мысль об «отбракованном материале»: «Со своей «психической» статьей долго не мог устроиться на работу — когда кадровики открывали мой военный билет, у них сразу возникало желание поскорее от меня избавиться».*

В интервью есть вещи смешные, особенно для сравнительно молодого человека, получившего премию, которая ни о чем, даже о качестве прозы не говорит. Букеру уже десять лет, а кого, кроме Маканина, какой роман, включая даже маканинский «Андеграунд», мы помним? Ну, может быть, беллетристику Улицкой, но ведь не Марка же Харитонов! Теперь буду Павлова читать. Но какое смешное самоощущение себя классиком! Как все важно, даже надут. *«Думаю, русский писатель — это тот, кто испытывает общую боль. Только тогда*

его взгляд будет шире представлений собственной среды, а написанное будет равным по масштабу тому, что происходит в России».

На этом, собственно, можно закончить «во-вторых». Все соединилось, включая и «в-третьих», совершенно случайно, спонтанно, но ведь ничего случайно не происходит, так же как и то, что когда я копался в своих старых вырезках, подбирая материал для книги, то отыскал одну из этих трех павловских статей, написанных против меня, что тоже очень симптоматично.

У некоторых молодых писателей есть удивительное желание во чтобы то ни стало быстро и скандально вылезти на поверхность. Когда-то автор попала под руку небольшая рецензия моего выпускника Олега Е., которого в свое время автор спас от исключения из института, да и вообще относился с симпатией. Парень, который, кстати, потом очень много и успешно институту помогал — по крайней мере, девять панихид, которые отслужили в институте по Пушкину, нигде не афишируя и нигде об этом не рассказывая, были на плечах у О.Е., они состоялись благодаря его энергии и помощи. Но будучи еще молодым и неопытным, он не выдержал искуса и написал статью, связанную с его личным прочтением романа ректора «Гувернер». Потом эта статья, которую не взял ни один журнал, случайно, а может быть, подаренная самим автором, оказалась у ректора и вдруг внезапно всплыла в ворохе других бумаг. Мотивы дружбы и недружбы — вот чем часто руководствуется критик.

Был и еще один ученик, фамилию его не называю, критик известный, и я всегда горжусь тем, что сделано, когда вспоминаю выпускников института. Он писал, еще в то время когда фаза наших отношений была спокойной, лестные слова обо мне; но стоило в напечатанной в журнале части «Дневника» употребить одно неудачное по отношению к нему слово, — как он тут же изменился.

Автор всегда ожидал некоего наезда на его лениниану. Это уже не первый его роман о Ленине, потому что был предыдущий под названием «Константин Петрович», но время тогда было несколько другое, вернее, был не роман, а четыре повести, последовательно, в течение нескольких лет, публиковавшиеся в «Юности». Об этом автор писал раньше. Повести, естественно, в официальной прессе оценивались положительно, рецензенты были доброжелательны, но это все-таки были рецензии советского периода, без внутреннего волнения, может быть без очарования дискуссии. Действительно, дискуссии не было и не было никаких споров. С точки зрения автора, который вспоминал рецензии Ивановой, Латыниной, Чапчахова, эти новые рецензии как бы провалились в памяти, хотя что-то было. Приходилось крутиться на очень ограниченной площадке бесспокойных фактов, все должно было утешаться, переводиться в план психологии: если бы автор был на месте героя и т.д. По большому счету, в новом романе автор и поставил себя на место героя, его интересовал в первую очередь Ленин-писатель, внутренний ленинский монолог, организованный в ритме его стилистики, средней между собственной стилистикой автора и стилистикой ленинс-

кой письменной речи. Здесь автору, конечно, помогла его былая служба на радио, ведь та самая звуковая книга о Ленине включала в себя и устные ленинские речи, записанные при его жизни. Теперь наступило другое время, раздвинулись горизонты, стало возможным говорить о многом другом. Но стремление автора было все же — говорить о существенном, о внутреннем мире. Может ли стать рецензией голосование читателей в книжных магазинах? С натяжкой — «да». В течение двух-трех недель роман «В.И. Ленин. Смерть титана» был раскуплен. Если же говорить о первой реакции, то запомнилась одна ключевая, как бренд, фраза в редакции «Независимой газеты»: «Складывается ощущение, что Ленин диктует ректору». Если бы хоть одна подобная фраза была в рецензиях предыдущей поры!

Но время шло. Роман писался, глава за главой появляясь в журнале «Юность». Автор уже говорил о том, что крупная фигура (а автор невольно причисляет себя к этим персоналиям) всегда вызывает стремление у молодежи сделать быструю карьеру за счет старшего коллеги. Крылов писал об этом: «Ай, Моська...» — и вот подобная рецензия появилась. Она была шоковой для многих людей, которые автора знали и которые были достаточно убежденными и опытными читателями. Это была рецензия некой Анны Козловой, студентки журфака МГУ. Возник даже внутренний диалог: Читатели и автор рецензии. Автор отнесся к этому чрезвычайно холодно, т.е. холодно, но раздумчиво. На отдельные инвективы (собственно, рецензия писалась по публикуемым главам, а до завершения романа было еще далеко). Автор успел ответить, кое-что в пик автору рецензии вставив в окончательный текст.

Ну, после всего этого, когда была просвечена польза от любой рецензии, автор, при его привычке добираться до сути, хотел бы вскрыть и простенький этот механизм действия. И здесь лучше всего обратиться к цитате из «Дневника».

«Сел я за компьютер, потому что внезапно, повинувшись какому-то импульсу, вечером позвонил Эмилии Алексеевне Проскурниной. Вышел мой «Ленин», пора дарить, в свое время Э.А. печатала «Ленина» глава за главой в «Юности». Это меня в самом начале работы над темой, окрыляло: не переводя отдельные главы в «материал», т.е. не печатая их, я бы, наверное, что-то растерял и не дотянул до конца. Но потом у меня с Э.А. возник необъяснимый конфликт, о котором я, наверняка, писал в дневнике. Ее внучка Анна Козлова напечатала резко отрицательную, даже облыжную рецензию. Я еще удивился: главы печатались в свободном порядке, не в последовательности, которую я им придал в книге, и мне казалось, судить было еще рано и невозможно. Удивило меня и то, что написала подобное, буквально остервенясь, не только внучка Э.А., но она же и дочка Юры Козлова, который кое-чем был мне обязан. Мы вроде никогда не враждовали и делить нам было нечего. Но факт оставался фактом, и после этого случая я больше Эмилии Алексеевне не

звонил. На этот обидевший меня факт я ответил самым естественным образом: ни в какую полемику, на которую меня выманивали, я не пошел. Нашими ВЛКашниками было написано и опубликовано несколько материалов в мою защиту, но ответил я, правда, косвенно, в книжке... Но и здесь еще не все. Эмилия Алексеевна, расчувствовавшись от моего звонка, начала цепь признаний и первое — эти сами журнальные главы дала внучке именно она. Случилось обычное: девочке на третьем курсе журфака надо было что-то писать, и бабушка выбрала ей тему, но, кроме этого, еще и договорилась с газетой Проханова, что внучка принесет положительную рецензию на автора, который в этой газете печатается. Хорошо! Бабушка, сделав дело, уехала на дачу, а внучка, написав рецензию, понесла ее в редакцию. Но заведующий отделом культуры Андрюша Фефилов, сын Александра Проханова, довольно злобный памфлетник, печатать отказался. И это опять не все, потому что рассказ бабушки я невежливо перебил, пытаясь выяснить, кто же девочкой руководил или кто ее воспитал, и тут услышал удивительный ответ: девочка специализируется по кафедре то ли у самого В.И.Новикова, то ли у коллег В.И. Новикова по кафедре. Из многих назову только одного — Оскоцкого. Вот тут мне все стало ясно».

Дневник вообще представляет собой достаточно большую площадку для выявления полемического задора автора: когда негде высказаться, писатель начинает высказываться в дневнике. В тексте есть многие ответы и на инвективы, и на добрые пожелания ... Вокруг писателя всегда что-то курится. Вокруг ректора иногда курится еще и зависть.

Всем кажется, что это хорошее, лакомое, представительское место: телевидение, газетные интервью, авторитетные мнения. Мало кто знает, что существует еще огромный рутинный круг работы и еще надо направлять корабль вперед, потому что остановка есть отход назад или посадка на мель. Существуют еще другие мотивы: человек нафантазировался до того, что или он сам должен стать ректором, или должен им стать его друг. Таким я вижу исходный импульс давней статьи Олега Павлова в «Литературной газете», которая до сих пор висит в Интернете.

Что там у нас писала Лиза Новикова об амбициях Павлова? Любая брань, в любом литературном возрасте, в любом положении — идет только на пользу бранимому. Может быть, из этой брани возникает брашно литературы и жизни. В «Дневнике» есть ответ на эту инвективу, и есть, как мы увидели, своя точка зрения, своя система доказательств. Как и в случае с А.Козловой, есть небольшое свое домашнее разыскание истоков. Диалог и спор! Но Бог с ними, с «заинтересованными» лицами: каждый имеет право на свою точку зрения. Интересно, что сейчас, в данный момент, во время окончания работы, автора больше всего интересует его последняя книга, которая, конечно, называется довольно пышно — «На рубеже веков. Дневник ректора», а на суперобложке есть еще два подзаголовочка: «Эпохи и судьбы» и «Мемуары выдающихся деятелей России». Будем считать это авансом. Но 40

печатных листов — их надо было написать. Здесь, надо сказать, также были отклики: общественность ответила на выход книги ее жадным чтением, вышли две рецензии в «Литературной газете». Потом появилась большая, развернутая рецензия в «Независимой газете».¹¹ Собственно говоря, обе рецензии в «Литературной газете» можно привести, по крайней мере первую, так называемую «колонку рейтинга». Во второй, точнее, в колонке П.Басинского, об отторжении литературы самими писателями, есть несколько фраз, которые для автора очень много значат, тем более, что Басинский очень не простая фигура и очень самостоятельная. Солженицын ведь тоже не раздает премий своего имени кому попало. Итак, Басинский пишет:

«Впрочем, иногда внутреннее писательское отторжение в себе литературы парадоксальным образом рождает интересную литературу. Например, так случилось с дневниками Сергея Есина за 1998-2000 годы, изданными ОЛМА-ПРЕСС. Покуда они выходили кусками в журналах и газетах, цельного впечатления не возникало, да и уследить за ними было сложно. Но в виде книги дневники сложились в напряженный роман. Вернее, теперь понятно, что автор сам этот роман сложил, по-писательски мастерски выстроив. На первый взгляд никакой литературы, сплошной быт. Институтские интриги (Есин — ректор Литературного института), студенты, шоферы, охранники, бухгалтеры, защиты диссертаций и наезды мафии, с другой стороны — домашний тыл, где свои боли, потери, большие и маленькие радости... Розановский след виден отчетливый.

Но и другое видно, хотя не сразу. Попытка сделать роман из антироманной ситуации. Иногда автор проговаривается: иду на какую-то встречу ради дневника. То есть какая-то сюжетная линия еще не завершена, а выдумывать ее нельзя. Интересный ход. Против литературы, но ради литературы». («Литературная газета», 20-26 ноября 2002 г. № 46. П.Басинский, «Писатель против словесности»).

В одном Павел Басинский ошибся: что Есин «проговаривается». Нет, дневники почти изначала, по крайней мере этих трех лет, готовились как роман, и автор внимательно и точно нацеливает читателя — как именно надо читать это произведение. «Проговорки» оставлены в корпусе «Дневников» специально.